

И. А. ВОРОБЬЕВА

О НЕКОТОРЫХ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ЧЕРТАХ РУССКОЙ ГИДРОНИМИКИ БАСЕЙНА СРЕДНЕЙ ОБИ

Структурно-семантический анализ гидронимов, изучение формирования гидронимических типов¹ позволяют сделать определенные выводы о типологических чертах этой группы западносибирских собственных имен, выявить некоторые закономерности их образования.

Русская гидронимика в Западной Сибири появилась не ранее XVI—XVII веков. Можно полагать, что часть ее типологических черт должна быть общей с гидронимикой других территорий позднего славянского заселения, часть же роднит русскую гидронимику Западной Сибири со всей славянской гидронимикой, независимо от времени ее происхождения.

Однако каждая гидронимическая система — это прежде всего территориальная система, формирование которой связано не только с ее происхождением на определенной языковой почве, но и с конкретно-историческими условиями той местности, где она возникла.

Любая относительно недавно сложившаяся гидронимическая система формировалась не на пустом месте: как правило, она непосредственно связана с предшествующей иноязычной гидронимикой. Что касается западносибирской русской гидронимики, то она не только вобрала в себя значительную часть уже существовавших здесь названий рек, но и складывалась при непосредственном взаимодействии с функционирующими в этом регионе топонимическими системами манси, хантов, селькупов и тюрков. От такого взаимодействия она не могла не получить определенной специфики, выявлению которой посвящена другая наша работа².

¹ И. А. Воробьева. Русская гидронимия Западной Сибири (некоторые вопросы происхождения и словообразования). — В кн.: Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965; Она же. Русские гидронимы Сибири в XVII веке. — В сб.: Вопросы географии, № 70. Изучение географических названий. М., 1966; Она же. Некоторые замечания о русской адаптации иноязычных гидронимов Сибири в XVII веке. — Уч. зап. Томского ун-та, № 59, 1966; Она же. Русская топонимия средней части бассейна Оби, гл. 1. Томск, 1972.

² И. А. Воробьева. О связи русской топонимии Западной Сибири с топонимией аборигенных народов. — В сб.: Вопросы русского языка и его говоров, вып. 2. Томск (в печати).

В настоящей статье мы остановимся лишь на тех чертах западносибирской русской гидронимии, которые либо присущи ей как гидронимике вообще, либо предопределяются ее славянским характером, либо образуют инновации, возникшие на славянской почве и составляющие ее отличительную особенность по сравнению с гидронимикой других славянских территорий.

Для сравнения используются материалы и выводы исследований по гидронимике Украины, Верхнего Поднепровья, Поочья, Русского Севера³, а также данные по болгарской гидронимике⁴.

Первая типологическая черта западносибирской русской гидронимии — первичность по отношению к остальным группам названий. Она обусловлена той ролью, которую играли водоемы и в первую очередь реки в жизни сибирского населения. Реки были не только источниками воды и пищи, но и основными транспортными магистралями. Освоение реки шло от устья к вершине. При заимочно-захватном землепользовании русские крестьяне запахи-вали земли, углубляясь в леса по рекам и речкам. При этом сразу же возникала необходимость в назывании реки как приметы, знака, границы того или иного владения. И лишь потом на реках строились заимки пашенных крестьян, превращавшиеся позднее в деревни. Единичные факты обратного соотношения не опровергают основного тезиса.

Вторичные названия рек структурно выделяются при помощи определительного суффикса *-ск-*: *Назинская, Огневская, Вяловская, Перемитинская*. Они функционируют, за небольшими исключениями, как неофициальные названия, употребляемые в соседних населенных пунктах. Ю. А. Карпенко, отметивший на Украине вторичность названий малых рек, протекающих на территории одного села, наименование которого и становится их источником, к сожалению, не указал, в каком топонимическом контексте они используются⁵.

³ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962; О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968; И. В. Муромцев. Словотворчі типи гідронімів (басейн Сіверського Дінця). Київ 1966; О. С. Стрижак. Гідронімія Полтавщини фіто-зоографічного семантичного ряду.— В кн.: Українська діалектологія і ономастика. Київ, 1964; К. К. Цілуйко. Засади створення національного атласа гідронімів.— В кн.: VI Міжнародний з'їзд славістів. Київ, 1968; А. П. Корепанова. Словотворчі типи гідронімів басейну Нижньої Десни. Київ, 1969; Г. П. Смолицкая. Из гидронимии Среднего Поочья.— В кн.: Вопросы гидронимии. Киев, 1971; В. И. Тагунова. Гидронимия Муромского Поочья.— Там же.

⁴ И. Дуриданов. Местните названия от Ломско. София. 1952; И. Занмов. Классификация и проблематика от водните имена (въз основа на български материал).— «Prace onomastyczne 5. I Międzynarodowa Slawistyczna konferencja onomastyczna». Wrocław-Warszawa-Krakow, 1961; И. Ковачев. Местните названия от Севлиево. София, 1961; Он же. Местните названия в Габровско. София, 1965; Г. Христов. Местните имена в Маданско. София, 1964 и др.

⁵ Ю. О. Карпенко. Особливості гідронімичного словотвору (на матеріалі назв річок Чернівецької області).— В сб.: Українська діалектологія і ономастика. Київ, 1964, стр. 186.

Некоторые ученые, не считая суффикс *-их(а)* гидронимическим формантом, относят к вторичным названия рек и с этим суффиксом⁶. Однако наши материалы свидетельствуют о том, что суффикс *-их(а)* для Западной Сибири является прежде всего гидронимическим. В этом убеждает как история появления суффикса на территории Средней Оби и Алтая, так и семантика названий. Например, в основе многих гидронимов с данным формантом лежит указание на такие признаки, которые в большей степени присущи рекам, а не населенным пунктам: *Шумиха, Крутиха, Лосиха, Маралиха, Волчиха, Выдриха* и др. Связь суффикса *-их(а)* с антропонимами нельзя считать ойконимическим явлением, тем более что значительное число русских сибирских гидронимов с другими аффиксами также образовано на основе антропонимов.

Изучение истории появления названий рек и названий населенных пунктов с суффиксом *-их(а)* по письменным документам подтверждает первичность гидронимов. Так, еще в 1703 году в пределах Томского уезда была отмечена речка *Шумиха*, а одноименный населенный пункт впервые зафиксирован лишь в источниках начала XIX века. По рукописным картам XVIII века, хранящимся в ЦГАДА, на реках *Озерчиха, Лосиха, Грязниха, Маралиха, Комариха, Гремиха, Олениха, Гусиха, Ермашиха, Баиха, Полничиха, Антропиха* совсем не было поселений.

Однокоренные названия населенных пунктов и рек в XVIII веке структурно различались: р. *Броздыха* — д. *Броздина*, р. *Койниха* — д. *Койнова*, р. *Шипуниха* — д. *Шипунова*. В некоторых случаях названия поселений являются производными от гидронимов с суффиксом *-их(а)*: р. *Повалиха* — д. *Повалихина*, р. *Порозиха* — д. *Порозихина*. Гидронимическим в Западной Сибири долгое время был и суффикс *-к(а)*: названия рек с этим суффиксом отмечаются в памятниках с первых лет русского освоения зауральских земель, в то время как в наименованиях населенных пунктов он появился лишь в середине XIX века⁷.

Названия озер и болот также в значительной степени не зависят от других групп географических имен, однако они чаще, чем реки, могут быть названы по населенному пункту. Кроме того, источником их наименования могут стать названия рек, в поймах которых они находятся. Если в первом случае названия озер и болот функционируют лишь в речи жителей соседних населенных пунктов, то во втором — они представляют собой единственно употребляемые наименования.

Вторичные названия озер и болот также структурно оформляются при помощи суффикса *-ск-* и изредка суффикса *-н-*.

⁶ См.: В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья; И. В. Муромцев. Словотворчі типи гідронімів (басейн Сіверського Дінця).

⁷ И. А. Воробьева. Словообразование русской топонимики Западной Сибири в связи с историей ее заселения. — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1965, № 1, стр. 156—158.

Вторая черта русской гидронимики Средней Оби, общая с остальной гидронимикой и, в частности, со славянской, — относительная устойчивость и стабильность.

Решение вопроса об устойчивости той или иной категории топонимов имеет большое принципиальное значение. Долгое время устойчивость считалась типологической чертой всех групп топонимов. Исследования последних лет поставили под сомнение это положение и дали основание высказать противоположное мнение: «Мало найдется таких лексических групп, которые были бы такими неустойчивыми, как значительная часть географических названий»⁸. Для окончательного суждения по этому вопросу следует выявить степень устойчивости разных групп топонимов, в том числе и гидронимов.

Исследователи единодушно отмечают большую устойчивость гидронимов по сравнению с другими группами географических названий, но она проявляется по-разному у названий рек, с одной стороны, и у названий озер и болот, с другой. Названия рек более устойчивы. В Западной Сибири славянская гидронимика сформировалась в основном в XVII—XVIII веках. Однако гидронимическая система Западной Сибири не оставалась неподвижной: возникали новые названия, забывались старые.

Ограничив территорию исследования окрестностями города Томска, попытаемся проследить степень изменчивости названий рек. Так, к началу XVIII века в Томском городе и околгородном стане функционировали 104 гидронима, абсолютное большинство их сохранилось до нашего времени: *Большая и Малая Киргизка, Большая и Малая Ушайка, Черная, Басандайка, Сосновка, Еловка, Лебяжья, Байкалова, Бобровка, Тайменка, Талая, Тугояковка, Якунина, Шумиха, Писаная, Сенная курья, Бурундукова протока* и др. В полевых материалах не зафиксировано лишь 14 гидронимов: *Лучанинова, Бортошевская, Потапова, Харламовская* и др.

Если использовать методику выявления устойчивости топонимов, предложенную Ю. А. Карпенко, при которой группа топонимов, устойчивость которых оценивается, сопоставляется с количеством замен или изменений⁹, мы имеем 104 : 14, т. е. коэффициент изменемости 0,13. Эта цифра близка к той, которую приводит Ю. А. Карпенко для названий рек Буковины — 0,1¹⁰.

Конкретный анализ утраченных гидронимов позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, исчезнувшие гидронимы — названия малых рек, на что указывают и записи в Переписной книге Томского города за 1703 год: «заимка... против деревни Тайменки в урочищах с Осинава Баяраку до усть речки Бакмасовой, а поперек от речки Томи и поля до вершины же речки Бакмасовой и до

⁸ Ю. А. Карпенка. Пра ўстойліваець тапаніміі.— В кн.: Пытання беларускай тапаніміі. Мінск, 1970, стр. 26.

⁹ Ю. А. Карпенка. Пра ўстойліваець тапаніміі, стр. 29.

¹⁰ Там же.

Осинового Баяраку две версты»; «от речки Басандайки вверх по Томе реке на 6 верст, а от реки Томи в поля к речке Харламовской 4 версты» и т. д.

Академик В. Георгиев, устанавливая зависимость устойчивости гидронима от длины реки, пришел к выводу, что в Болгарии наиболее устойчивыми, а следовательно, и более древними являются названия рек длиной свыше 100 км, среди которых 70, 32% составляют наиболее древние фракийские имена, менее устойчивы названия рек длиной от 50 км до 100, где фракийские имена достигают едва 15,53%¹¹.

Западносибирские реки в бассейне Томи, названия которых оказались утраченными, еще короче: их длина не более 20 километров. Следовательно, устойчивость гидронима зависит от величины реки, правда, эта зависимость не является прямой, а опосредована через степень известности гидронима. Ю. А. Карпенко прав, связывая устойчивость гидронима с двумя факторами: устойчивостью самого водоема и степенью известности его названия¹².

Во-вторых, устойчивость (изменяемость) названий малых рек в определенной мере связана с семантикой гидронима. В нашем регионе почти все утраченные гидронимы восходили к имени или фамилии владельца близлежащей земли: *Лучанинова*, *Бакмасова*, *Горяева*, *Потапова* и др. Менялись владельцы, менялись и названия малых рек. Так, речку *Лучанинову* стали называть *Васильевкой*. Более устойчивыми оказались названия малых рек, основанные на признаках самого объекта. Сравнение материалов Переписной книги Томского города с современными названиями таких изменений вообще не выявило. Однако в принципе перемены подобных наименований возможны, о чем свидетельствует следующий пример: в XIX веке, проводя межевание, землемеры у деревни Петуховой (Томский район) указали речку *Светлую*, а современные жители называют ее *Песчанкой*.

Названия некоторых рек, сохранившись с XVII века, стали обозначать озера и болота. Причина кроется в изменении самого объекта: в XVII веке река *Балтачак* — современное болото *Балтачак*, *Черлашная курья (протока)* — современное оз. *Черлак*, *Черлашка*, *Черлашкино*.

В-третьих, темп изменений названий рек зависит от экстралингвистических факторов: смены населения, изменения общественно-экономических условий. Например, исчезновение нескольких гидронимов (из числа указанных 14) в окрестностях деревни Тайменки связано с тем, что там очень мало сохранилось старожилов: основную массу жителей составляют переселенцы XIX века из Орловской и Курской губерний. Особенно быстро стали забы-

¹¹ Вл. Георгиев. Българска етимология и ономастика. София, 1960, стр. 71.

¹² Ю. А. Карпенко. Пра устойчиваеца тапаніміі, стр. 29.

ваться отдельные названия, связанные с частной собственностью, в послереволюционное время ¹³.

Наименования озер и болот также устойчивы, но они представляют больше возможностей для переименования, чем названия рек: многие озера невелики, и известность их названий ограничивается пределами одного населенного пункта. Тем не менее наши материалы показывают, что часть этих имен уже потеряла внутреннюю форму, забылась причина номинации, следовательно, они являются достаточно древними. К сожалению, мы не можем выявить коэффициент их изменчивости: во-первых, недостаточно исторических материалов, во-вторых, далеко не всегда возможно соотнести название с географическим объектом.

Третья типологическая черта русской гидронимии средней части бассейна Оби связана с ее структурной характеристикой.

Пестрота диалектных групп, переселившихся в Сибирь, казалось бы, должна была предопределить разнообразие структурно-словообразовательных типов гидронимов Сибири. Однако вся гидронимика Средней Оби укладывается в 4—5 типов. Общая черта, роднящая русскую гидронимику данного региона со всей славянской, состоит в том, что основную ее часть составляют гидронимы, образованные при помощи суффиксации. Однако набор суффиксов на территории Средней Оби более ограничен, чем на территориях раннего славянского заселения. Так, в наших материалах имеются названия рек лишь с суффиксом *-к(а)*, представленном морфами *-к(а)*, *-овк(а)*, *-евк(а)*, *-анк(а)*, *-енк(а)*, *-инк(а)*, *-ушк(а)*, *-юшк(а)*, *-очк(а)* и с суффиксами *-их(а)*, *-ух(а)*, *-ов*, *(-ев)*, *-ин*, *-ск-*, *-ик (-ёк)*, *-чик*, *-онок*.

Не говоря уже о редких и старых словообразовательных моделях с *-ита*, *-ит*, *-ан*, *-ен*, *-ян*, *-еш*, *-иш*, *-ош*, *-уш*, *-ана*, распространение которых у славян рассмотрел И. Дуриданов ¹⁴, а на материале бассейна Днепра, Десны и Донца — А. П. Корепанова, И. В. Муромцев, В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев ¹⁵, в нашем регионе не отмечаются образования с йотовым суффиксом, а также с суффиксами *-ица*, *-ище*, *-ля*, *-ня*, *-щизна*, *-ичи*, гидронимы *Pluga-lia tantum*.

К сожалению, имеется мало работ, рассматривающих гидронимику районов позднего славянского заселения. Тем не менее неко-

¹³ И. А. Воробьева. Социальные факторы возникновения и функционирования современной топонимии. — В кн.: IV республиканска ономастична конференция. Тези. Київ, 1969.

¹⁴ И. Дуриданов. За някои редки словообразователни типове в българската топонимия с успосредици от другите славянски езици. — В кн.: Славистичен сборник на случай IV международен конгрес на славистите в Москва, т. 1, езикознание. София, 1958.

¹⁵ См.: А. П. Корепанова. Словотворчі типи гідронімів басейну Нижньої Десни; И. В. Муромцев. Словотворчі типи гідронімів (басейн Сіверського Дінця); В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья.

торые данные по гидронимике Поочья, Карелии, Удмуртии, содержащиеся в статьях Г. П. Смолицкой, В. И. Тагуновой, Е. Ф. Теплова и Т. И. Тепляшиной¹⁶, свидетельствуют о близости гидронимики данных районов к гидронимике Средней Оби. Эта близость проявляется, прежде всего, в преимущественном использовании суффикса *-к(а)*. Вместе с тем на европейской территории встречаются такие суффиксы, которых нет в Сибири, например, *-ень*, *-иц(а)*.

Что же повлияло на выбор суффиксов в Сибири? Объяснение следует искать как в языке, так и вне его. В XVI—XVII веках, когда происходило русское заселение Западной Сибири, общеславянский суффикс *-к(а)* был наиболее продуктивным формантом на всех славянских землях. Его широкое распространение и обширный диапазон словообразовательных связей имеют прямую зависимость от тех функций, которые он выполняет при деривации как апеллятивов, так и собственных имен. П. Зволинский отмечает три функции суффикса *-к(а)* в апеллятивах: деминутивную, посессивную и структурную¹⁷, которые проявляются и в топонимах. Особенно часто суффикс *-к(а)* используется в структурной функции, переводя прилагательное в существительное. Это качество и способность присоединяться к другим суффиксам сделали его универсальным топонимообразующим средством.

Общественно-экономические условия Сибири (в частности, активно-захватное землепользование) предопределили значительную роль посессивных наименований рек, для создания которых использовался не только суффикс *-к(а)*, но и суффиксы *-ов(-ев)*, *-ин*. Последние едва ли были в XVII веке особенно продуктивными в европейской части России: их распространение в Западной Сибири было связано со стремлением указать владельца земли, а также с тем, что на русском Севере, откуда преимущественно прибывали первые русские переселенцы, эти притяжательные суффиксы были наиболее распространенными.

Массовый приток в Сибирь русских старообрядцев способствовал появлению здесь суффиксов *-их(а)* и *-ух(а)*. В посессивной функции суффиксы *-ов(-ев)*, *-ин* и *-их(а)* обычно исключают друг друга: там, где много гидронимов с суффиксами *-ов(ев)*, *-ин*, нет гидронимов с *-их(а)* и наоборот.

Все остальные суффиксы, ставшие непродуктивными на территории европейской части России, в среднюю часть бассейна Оби

¹⁶ Г. П. Смолицкая. Из гидронимии Среднего Поочья; В. И. Тагунова. Гидронимия Муромского Поочья; Е. Ф. Теплов. Словообразовательные модели гидронимов Карелии.— В кн.: III Республіканська ономастична (гідронімічна) конференція. (Тези). Київ, 1965; Т. И. Тепляшина. Система гидронимии Удмуртской АССР, ее состав и особенности.— Там же.

¹⁷ Prz. Zwolinski. Stan i perspektywy hydronimii polskiej.— „Prace onomastyczne 5. I Międzynarodowa Słowistyczna konferencja onomastyczna”. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961.

не попали. Кроме того, не представлены в Западной Сибири и те продуктивные суффиксы, которые могли быть перенесены в Сибирь в более позднее время: сложившаяся в первые два века русского заселения Сибири русская гидронимическая система уже регулировала отбор словообразовательных средств.

Названия озер и болот характеризуются еще меньшим набором суффиксов, так как значительная часть этих групп гидронимов образована при помощи субстантивации уже имеющихся в языке прилагательных, суффиксальный инвентарь которых ограничен.

Названия озер и болот на территории Средней Оби образуются при помощи суффиксов *-ов(-ев)*, *-ин*, *-ск-*, *-н-*. Наименования с другими суффиксами, в частности, с суффиксами *-их(а)* и *-к(а)*, образуются только от названий рек преимущественно путем метонимии.

Материала для сравнения с топонимикой европейской части страны у нас почти нет. И. Д. Сухомлин, рассматривая образование, структуру и семантические особенности гидронимов бассейна Самары, называет следующие суффиксы, встретившиеся в названиях озер: *-уват-*, *-ов*, *-ев*, *-ин*, *-еньк-*, *-ськ-*, *-цьк-*, *-чик*, *-анк-*, *-ищ-*, *-н-*, *-ат-*¹⁸. Если учесть, что часть этих суффиксов не относится к топонимообразующим (*-оват*, *-еньк-*, *-ат*), то нет принципиальной разницы в выборе суффиксов между бассейнами Самары и Средней Оби.

В семантическом отношении русские гидронимы среднеобского бассейна обычно мотивируются тремя большими группами слов: 1) указывающими на физико-географические признаки реалии, в основном это апеллятивы; 2) обозначающими человека, в основном это антропонимы; 3) называющими другие географические объекты, среди которых большую часть составляют топонимы.

Принципиально здесь нет ничего нового по сравнению с другими территориями. Ученые Болгарии указывают большее число мотивирующих слов лишь за счет того, что разбивают эти большие тематические группы на ряд частных подгрупп¹⁹.

Рассматривая соотносительность отдельных суффиксов с мотивирующими словами, мы приходим к выводу, что часть суффиксов имеет более широкие связи, часть же обладает ограниченной избирательностью.

Словообразовательные связи «речных» суффиксов можно представить в следующих схемах:

¹⁸ И. Д. Сухомлин. Про системи назв озер басейну Самари, її склад, структурні та семантичні особливості.— В кн.: III республіканська ономастична (гідронімічна) конференція. (Тези). Київ, 1965.

¹⁹ См.: И. Дуриданов. За някои редки словообразователни типове в българската топонимия...; Он же. Местните названия от Ломско; И Заимов. Классификация и проблематика на водните имена...; И. Ковачев. Местните названия от Севлиево; Он же. Местните названия в Габровско; Г. Христов. Местните имена в Маданско.

Основа-апеллятив	{	-овк(а), -евк(а) -к(а) -анк(а) -инк(а) -их(а)
Основа-антропоним	{	-овк(а), -евк(а) -к(а) -анк(а) -инк(а) -ов(-ев), -ин -их(а)
Основа-топоним	{	-к(а) -ушк(а), -юшк(а) -очк(а) -ишк(а) -ск- -чик -ик(-ёк), -онок

Из этих схем видно, что во всех трех группах слов используется лишь суффикс *-к(а)*, в первой и второй группах слов представлены суффиксы *-овк(а)*, *-евк(а)*, *-анк(а)*, *-инк(а)*, *-их(а)*. Только с основами топонимов и антропонимов отмечаются суффиксы *-ов(-ев)*, *-ин*, основы топонимов, послужившие базой для создания гидронима, оформляются суффиксами *-ушк(а)*, *-юшк(а)*, *-очк(а)*, *-ишк(а)*, *-ск-*, *-чик*, *-онок*, *-ик(ёк)*, не функционирующими в других группах имен.

Соответствующие схемы по названиям озер имеют следующий вид:

Основа-апеллятив	{	-ов (-ев), -ин		
		-к(а) (через названия рек)		
Основа-антропоним	{	-ов (-ев), -ин		
		-ск- -их(а) (через названия рек)		
Основа-топоним	{	-ск-		
		-н-		
За-	{	Основа-апеллятив или топоним	{	-ск-
Под-				-н-

Среди названий озер, как видно из схемы, более широкие связи имеют суффиксы *-ов(-ев)*, *-ин*, соединяющиеся с апеллятивами и антропонимами, а также суффикс *-ск-*, образующий названия озер от антропонимов и топонимов. Изредка отмечаемый суффикс *-н-* встречается лишь в оттопонимических образованиях. Относительные суффиксы *-ск-* и *-н-* используются также при образовании префиксально-суффиксальных названий озер, мотивированных топонимами.

Схема словообразовательных связей суффиксов с мотивирующими словами у названий болот одинакова с наименованиями озер: разница между этими двумя группами топонимов не в словообразовательных связях, а в распространении моделей.

В целом семантика русских гидронимов средней части бассейна Оби соответствует гидронимике других славянских территорий. Можно лишь подчеркнуть ее большую «владельческую» направленность, вызванную социально-экономическими условиями. В связи с этим многие гидронимы разных классов образованы от антропонимов, причем использовались не только имена, фамилии и прозвища русского населения, но и антропонимы аборигенов края.